
**Сергей Маловичко,
Марина Румянцева**

**ИСТОРИЯ ЛОКУСА В КЛАССИЧЕСКОЙ,
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ
И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛЯХ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

*Статья первая: (1) Постановка проблемы. (2) Местная история
в классической модели историописания*

Постановка проблемы.

Credo Научно-педагогической школы источниковедения

Местная (локальная) история неизменно привлекает внимание исследователей. Может показаться парадоксальным, но в условиях методологических трансформаций последней трети XX — начала XXI в. именно целеполагание и метод местного (локального) историописания, как кажется, вызвали наиболее ожесточенные споры, практически вылившиеся в форму противостояния новой локальной истории и краеведения. В обобщающей работе по истории локального историописания Я.В. Верменич пишет: «У тому вигляді, в якому воно [краєведення] засновувалося в кінці XIX — на початку XX століття, краєзнавство себе зживає. Необхідно (і це робиться в усьому світі) шукати нові форми виявлення й подачі інформації про місцеву специфіку і, що не менш важливо, дбати про оновлений теоретико-методологічний фундамент локального історичного знання»¹. Соглашаясь в целом с такой постановкой проблемы, авторы настоящей статьи ставят перед собой цель найти объяснение трансформаций местного (локального) историописания, точнее — предложить свой вариант такого объяснения, — и историографически его фундировать. Далее — на этой основе предложить свое видение актуальной познавательной ситуации в сфере локальной истории.

На наш взгляд, наиболее методологически корректно и эффективно рассмотреть историографический процесс в сфере местного (локального) историописания в соотнесении с классической — неклассической — постнеклассической моделями науки. Такой подход обусловлен теоретико-познавательным credo авторов, принадлежащих к Научно-педагогической школе источниковедения, восходящей

¹ Верменич Я.В. Локальна історія як науковий напрям: традиції й інновації. — К.: Інститут історії України НАН України, 2012. — С. 11.

в своих эпистемологических основаниях к русской версии неокантианства (А.И. Введенский, А.С. Лаппо-Данилевский), развивавшейся с конца 1930-х годов до 2011 г. на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. в составе Российского государственного гуманитарного университета) и после ее ликвидации консолидированной на основе сайта Источниковедение.ru². Признанный методолог этого направления О.М. Медушевская (1922–2007) конституировала понятие *эмпирическая реальность исторического мира* в качестве основания истории как строгой науки, вводящего ее (вопреки расхожему мнению, восходящему к идеям Баденской школы неокантианства) в сферу строго научного знания наряду с другими науками³.

Исследовательская гипотеза

В классической модели историописания, преобладавшей в исторической науке вплоть до конца XIX в., местная история была, по преимуществу, подчинена национально-государственному метанарративу. Историописание имело иерархическую структуру, в которой местная история находилась на нижнем уровне и зачастую отдавалась на откуп историкам-любителям.

Историческое краеведение как самостоятельная область исторического знания, предметом которого является история места (локуса), конституируется в неклассической науке, в условиях кризиса линейной модели национально-государственного историописания и начала разрушения иерархической структуры исторического знания. Это происходит в конце XIX — начале XX в. Краеведение уже не подчинено жестко национально-государственному нарративу, понимается (чаще имплицитно) как равноправная, рядоположенная «большой» истории область историописания и, — что важно подчеркнуть, — пытающаяся ориентироваться (по крайней мере, в отдельных своих проявлениях) на критерии профессионализма исторической науки, или, — как минимум, — декларирующая себя как часть научной историографии.

Переход к постнеклассической модели маркирован в исторической науке кризисом доверия к историческому метанарративу⁴.

² Источниковедение.ru [Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., сор 2010-2012. URL: <http://ivid.ucoz.ru/> (дата обращения: 30.06.2012).

³ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. — М.: РГГУ, 2008. См. также: Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г. : в 2 ч. — М.: РГГУ, 2008. — С. 24-34.

⁴ См., например: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с французского Н.А. Шматко. — СПб., 1978. — С. 9-10.

Постнеклассическая модель науки предполагает, в первую очередь, признание конструирующей деятельности познающего субъекта. Важно подчеркнуть, что в исторической науке это приводит к разрыву социально ориентированной и научно ориентированной истории⁵, что в области местного историописания — истории локусов приводит к разрыву между краеведением как социально ориентированным историописанием, целенаправленным на формирование локальной социальной памяти, и собственно локальной историей (новой локальной историей) как предметным полем в структуре актуального научного исторического знания.

Еще раз подчеркнем, что изложенное выше — наша *исследовательская гипотеза* и в определенной мере — приглашение к дискуссии. Но прежде чем перейти к обоснованию гипотезы, попытаемся разобраться в сложившихся в российском историческом знании понятиях, определяющих местное (локальное) историописание.

Провинциальная историография — историческое краеведение — местная история: соотношение понятий

Практика изучения истории локуса (определенного места) появилась в европейской историографии в XVIII в. и присутствует донныне, по крайней мере, в национальных историографиях, уходящих своими корнями в классическую европейскую историографическую традицию. Обращение к местной истории в значительной мере было инициировано процессами строительства индивидуальной (авторской) и коллективной идентичностей; кроме того, данный процесс зависел не столько от профессиональной (исторической) подготовки того или иного историка-писателя, а в большей степени от его положения в социальном пространстве — на местном или государственном уровне. Таких писателей истории нередко называли «любителями», а саму практику местного историописания — «любительской». Но если понятие «любительской» истории для историографического пространства XVIII в. было нагружено положительными коннотациями, поскольку и национальные истории пока еще писались любителями, то со второй четверти XIX в., со времени появления понятия «научной» истории, любительское (по большей мере провинциальное или местное) историописание стало восприниматься как неквалифицированное занятие письмом истории, а само понятие потеряло былые положительные коннотации.

В конце XX в. А.А. Севастьяновой было предложено понятие «*провинциальная историография*» применительно к трудам российских

⁵ Механизм этого разрыва мы здесь оставляем без комментариев, однако размышления на эту тему см.: Маловичко С.И. Социально ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX — XXI вв. — М.: ИВИ РАН, 2012. — [в печати].

историописателей-любителей второй половины XVIII в. «Провинциальной историографией предлагается обозначить интересный и важный комплекс исторических сочинений, написанных за сравнительно небольшой промежуток времени (вторая половина XVIII в.) в разных провинциальных центрах России и имевших общественные особенности», — отмечала историк⁶. Этот вывод был дополнен В.А. Бердинских, посчитавшим, что таким понятием можно обозначать и подобный историческим трудам XVIII века комплекс исторических сочинений XIX в. Историк указал, что он «вслед за А.А. Севастьяновой, обозначает предмет исследования — историописание в русской провинции и как его результат комплекс исторических трудов, созданных в регионах России во второй половине XIX в.». Правда, подчеркнув, что «провинциальная историография была неотъемлемой частью развития исторической науки России XIX в.», он отметил, что ей были присущи не только «свои особые идейно-теоретические установки», но и «своя источниковая база»⁷ (sic!). Странным это выглядит оттого, что у определенной «части» исторической науки, оказывается, может быть какая-то особая от остальной (научной) историографии источниковая база. Мы считаем, что у исследователей местной истории была не своя источниковая база, а своя практика работы с историческими источниками.

А.М. Пашков, в отличие от А.А. Севастьяновой и В.А. Бердинских, полагает, что любительское, губернское и региональное историописание второй половины XVIII — начала XX в. лучше называть *историческим краеведением*. Базовой характеристикой исторического краеведения является то, что оно практиковалось, по преимуществу, местными жителями или же исследователями, связанными, в силу тех или иных житейских обстоятельств, с данным локусом. По мнению А.М. Пашкова, такое «определение отражает две важнейшие характеристики исторического краеведения в дореволюционный период — любительский (непрофессиональный) характер проводимых исследований (особенно на раннем этапе, до середины XIX в.) и проведение исследований преимущественно местными жителями либо пришлыми исследователями, находившимися в рамках местной традиции (местный фольклор, этнография, топонимика, устная история, изучение местных материальных остатков старины и т. д.), активно влиявшей как на самих краеведов, так и на их исследования»⁸.

⁶ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. — Ярославль, 1990. — С. 5.

⁷ Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. — М., 2003. — С. 22, 282.

⁸ Пашков А.М. Историческое краеведение в Карелии конца XVIII — начала XX века как социокультурное и историографическое явление : автореф. дис. д-ра ист. наук. — М.: РГГУ, 2012. — С. 3-4.

Мы будем использовать понятие «местная история»⁹, что, на наш взгляд, точнее выражает суть обращения жителя определенного места к прошлому своего локуса для конструирования местной исторической памяти. По замечанию Дж.А. Амато, местная история удовлетворяет врожденное человеческое желание на получение знания о месте, в котором он живет, причем знание, формирующее не критическое, а лояльное отношение к образу этого места¹⁰. Мысль современного американского историка можно подтвердить словами российского местного историка конца XIX в., указавшего: «Мы хотели главным образом дать местному населению сбор таких фактов, из которых более или менее была бы ясна для него историческая роль родного города и его судьбы, а потому полная оригинальность и самостоятельность, а тем более строгая научность не были преимущественной целью нашего труда»¹¹.

Иногда в научной¹² и образовательной¹³ средах местная история (историческое краеведение) и региональная история воспринимаются почти как синонимичные практики историописания, что, на наш взгляд, неправильно, так как региональная история как предметное поле научного исторического знания оформляется намного позже местной истории, но об этом пойдет речь во второй статье.

Местная история и национально-государственный метанарратив в иерархической модели историописания

Сразу стоит определить нашу позицию и по поводу мнения, которое, по сути, является традиционным восприятием исследовательских практик изучения истории (местная история — национальная история) и представляет иерархическую структуру, которая в классической европейской историографии характеризовала важность той или иной исследовательской практики изучения прошлого (где наиболее значимой была национально-государственная история). Под влиянием такой

⁹ Б. де Л'Эстуаль отдает предпочтение понятию «местная эрудиция», т.к. местные авторы при изучении прошлого своих мест старались не только использовать приемы оформления письма истории, присущего профессиональной историографии, но и стремились подробно описывать еще и архитектуру, изобразительное искусство, географию, литературу, фольклор и т.д. (см.: *L'Estoire B. de. Le goût du passé: Érudition Locale et Appropriation du Territoire // Terrain : Revue d'Éthnologie de l'Europe.* — 2001. — No. 37. — P. 125).

¹⁰ *Amato J.A. Rethinking Home: A Case for Writing Local History.* — Berkeley & Los Angeles : Univer. of California Pr., 2002. — P. 4.

¹¹ [Виноградов И.П.] Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). С прилож. плана города 1779 г., родословной князей Вяземских, описания древней крепости и мног. друг. : составил И.П. Виноградов, преподаватель Александровской Вяземской гимназии. — М., 1890. — С. III.

¹² См.: *Jackson An. Local and Regional History as Heritage: The Heritage Process and Conceptualising the Purpose and Practice of Local Historians // International Journal of Heritage Studies.* — 2008. — Vol. 14. — No. 4. — P. 362-379.

¹³ Например, в ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» соответствующая кафедра называется кафедра «региональной истории и краеведения».

иерархии были не только профессиональные историки XIX, но и первой трети XX века (И.М. Гревс, С.И. Архангельский и др.), а также ученые и местные историки конца XX в. (Д.С. Лихачев, О. Алсвик и др.)¹⁴. Данная традиция была связана с уверенностью в том, что территориально большой объект исследования (всемирная, государственная истории или их отдельные периоды) предназначался для профессионального (по крайней мере, подготовленного) историка, а незначительный локус вполне мог изучать и местный историк, в том числе и историк-любитель. Обратной стороной этого представления об объектах исследования являлось противопоставление субъектов исторического изучения: «профессиональный» — «непрофессиональный» (любитель), — ставившее «непрофессионала» в маргинальное по отношению к науке положение.

Такая мысль появилась еще в период начала профессионализации исторического знания. Так, местный исследователь Д.И. Карманов писал: «Довольно с меня и того, что я касающиеся до Твери известия из российских летописцев собрав в одно место, связал и в порядок привел, употребляя на то свободное от моей должности время, а совершенную историю написать остается совершенным историографам»¹⁵. В дальнейшем вполне откровенно ее высказывали профессиональные историки, помогавшие в становлении советского краеведения в период т.н. «золотого десятилетия» этого движения. Например, С.И. Архангельский указывал, что краеведческое изучение «может получить определенное социологическое значение впоследствии»¹⁶. Ученые не допускали мысли, что практика написания местной истории может быть *самодостаточной*, «другой» по отношению к занятиям профессиональных историков, поэтому они предполагали, что профессиональной историографии следует заниматься известными и крупными объектами изучения, а краеведы могут исследовать прошлое незначительных мест. Указание на это находим и у И.М. Гревса, который писал: «Если восстановление истории великих городов требует работы специалистов высокой компетенции, то многочисленные малые города в различных областях лежат прямо на ответственности местных краеведов-историков»¹⁷.

¹⁴ См.: Гревс И.[М.] История в краеведении // Отечество: Краеведческий альманах. — М., 1991. — Вып.2. — С. 6, 9, 14. — Первая публикация 1926 год; Архангельский С.[И]. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. — 1927. — Т. 4. — № 4. — С. 193-194; Лихачев Д.С. Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики : сб. науч. статей. — К.: АН Украины, 1991. — С. 3-4; Alsvik O. The Norwegian Institute of Local History and Local History in Norway. — Oslo : NLI, 1993. — P. 1-2.

¹⁵ Исторические известия тверского княжества, почерпнутые из общих российских летописцев, с приобщением новейших оного приключений / составил Д.И. Карманов // Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. — Тверь, 1893. — С. 20. — Написано Д.И. Кармановым в 1775 г.5

¹⁶ Архангельский С.[И.] Локальный метод... — С. 194.

¹⁷ Гревс И.[М.] История в краеведении... — С. 14.

Ввиду вышесказанного, не стоит удивляться, что и сейчас некоторые профессиональные историки продолжают придерживаться несколько обновленной, но, по сути (учитывая ее генеалогию), иерархической схемы практик изучения истории, как, например, это делает Дж.К. Уолтон, выделяющий местный (подрегиональный) — региональный — национальный — международный уровни¹⁸.

Местная история в структуре современного исторического знания — социально ориентированное историописание

На наш взгляд, выделение местной истории из таких исследовательских практик, как региональная или национальная истории не может основываться на традиционном взгляде на пространственную значимость: место (локус) — регион (совокупность локусов) — государство (совокупность регионов) и т.д. Трансформация в XX веке исторического знания от линейного (стадиального), представленного государственной историей, к принципиально нелинейным предметным полям заставляет, в первую очередь, говорить не о иерархической значимости, а о рядоположенности таких предметных полей как история семьи, локальная история, городская история, региональная история и пр. Следует прислушаться к мнению Л.П. Репиной о том, что местная и региональная истории «сегодня рассматриваются в двух несоизмеримых культурных контекстах, имеющих разную идейную ориентацию: с одной стороны, как способ мобилизации исторической памяти, а с другой — как эффективный инструмент исторического познания, в котором находят применение теории, методы и концепции смежных дисциплин» К первой практике историописания Л.П. Репина отнесла историко-культурное краеведение, ко второй — региональную и новую локальную историю¹⁹, тем самым сместив акценты с разных уровней в иерархии практик исторического исследования, на «разные идейные ориентации» (фактически — разное целеполагание) в изучении локусов и регионов.

Во-вторых, важное, на наш взгляд, принципиальное обстоятельство, дополняющее вывод Л.П. Репиной, состоит в том, что такие практики следует относить к *разным типам исторического знания*, где местная история (являющаяся самодостаточной, но использующей аппарат научной истории) принадлежит к практике *социально ориентированного историописания*, а региональная и новая локальная истории к практике *научно ориентированной истории*.

¹⁸ Walton J.K. *Imagining Regions in Comparative Perspective: the Strange Birth of North-West England // An Agenda for Regional History* / eds by B. Lancaster, D. Newton, N. Vall. — Newcastle : Northumbria Univer. Pr., 2007. — P. 289-302.

¹⁹ Репина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. — М. : Круг, 2011. — С. 183-192.

Местная история определяется своим локальным характером и ее отличительной чертой является тесная связь с потребностями в поиске локальной идентичности. Практика местного историописания представляет собой индивидуальную деятельность (не случайно наблюдается разобщенность местных историописателей), но, в то же самое время, она сугубо социальная, так как сам ее смысл заключается в формировании исторической памяти локального сообщества и строительстве нужной (с точки зрения автора или конкретного социума) идентичности. Местные историописатели иногда об этом прямо рефлексировали в своих сочинениях, как например, архангелогородец В.В. Крестинин, написавший в конце XVIII в.: «Малое число приключений, которые письменных доводов не имеют [т.е. о них нет сообщений в письменных источниках — С.М., М.Р.], но исторической памяти достойны [выделено нами — С.М., М.Р.]... занимают место в нашей городской истории». Местная история пишется для локального сообщества, о чем и сообщает автор, «дабы сограждане мои [архангелогородцы] не могли оскудевать в ... части человеческого познания»²⁰.

Такая практика отличается от исследовательской работы профессионального историка уже тем, что последний опирается в своей работе на метод, посредством которого он в равной степени может изучать прошлое любого локуса, напротив, местный историописатель интересуется только конкретным предметом и конкретной территорией, к которой питает определенное чувство. Как писал тамбовский историописатель И.И. Дубасов, он приступил к своей работе «по совету некоторых образованных любителей местной старины..., но более всего — по своей любви к родному краю, прошлые судьбы которого так мало еще известны»²¹. Надо согласиться с Б. де Л'Эстуалем, что, кроме мотива поиска идентичности, другим побудительным мотивом для занятия местной историей является процедура признания ее автора в качестве специалиста в прошлом своего локуса и почетного жителя города или провинции²².

Становление и развитие историографических практик местной истории в России. Классическая модель исторической науки

В Российской империи обратились к изучению отдельных мест государства во второй половине XVIII в. Практика местной истории определялась ее конкретным характером связи с географией места, с его пейзажами, местной топонимикой, памятниками истории и людьми, жившими в этом месте. О последних ярославский историописатель

²⁰ [Крестинин В.В.] Краткая история о городе Архангельском, сочинена архангелогородским гражданином Василием Крестининым. — СПб., 1792. — С. IV-V.

²¹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края : [в 6 вып.]. — Тамбов, 1890. — Вып. 1. — С. 3.

²² L'Estoile B. de. Le goût du passé... — P. 126.

К.Д. Головщиков замечал: «... предлагаю вниманию лиц, которым дорого все родное, которые интересуются этим, ряд очерков о более или менее выдающихся деятелях, родившихся и живших в пределах Ярославской губернии...»²³ Преподаватель вяземской гимназии И.П. Виноградов, адресуя свою книгу местному сообществу, вполне откровенно подчеркивал, что этот труд нужен именно им — вяземцам. «Издавая исторический очерк г. Вязьмы, мы прежде всего имели в виду местное население, потому и включили в него все имеющее местный интерес», — писал он²⁴.

Одними из самых актуальных историко-географических вопросов, которые решали историописатели, являлось определение местоположения описываемого локуса, время его появления и топонимическая характеристика. Местное историческое повествование, помимо стремления авторов «встроить» прошлое своего локуса в национальный контекст, было подчинено желанию восстановить образы локальной коллективной памяти, и главное, выбрать те образы, которые подходят нуждам настоящего — доказать, что это место достойно проявляемого к нему интереса, а для этого выделить его среди других локальных объектов, наделив некими своими чертами. Удобной для достижения этой цели характеристикой могла быть древность места, поэтому историописатели старались выбрать из исторических источников или исторической литературы упоминания о возможно более древнем историческом существовании того или иного локуса.

Так, автор «Исторического и топографического описания городов Московской губернии» попытался подкрепить вывод о построении Москвы князем Олегом неназванными авторитетными «летописателями», заметив: «... По мнению многих летописателей, построение онаго [города Москвы — С.М., М.Р.] надлежит относить к Олегу, опекуну Игоря, который в 882 году, проезжая из Новагорода в Киев теми местами, где стоит ныне Москва, построил близ Москвы реки на речке Неглинной городок, который достался после во владение Суздальскому вельможе Кучке»²⁵. Располагая сведениями из летописей о том, что Москву основал князь Юрий Долгорукий, неизвестный автор вышел из ситуации, при которой сообщение летописца не соответствовало его желанию, таким образом: он написал, что князь Юрий «возобновил сей город, или, лучше сказать, построил вновь на том же месте, где был прежде»²⁶.

Чтобы лучше представить отношение московского историописателя к объекту своего изучения, приведем пример исследования

²³ Головщиков К.Д. Деятели Ярославского края. Ярославль : Издание Ярославской ученой архивной комиссии, 1898. — Вып. 1. — С. II.

²⁴ [Виноградов И.П.] Исторический очерк города Вязьмы... — С. III.

²⁵ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквах. — М., 1787. — С. 1-2.

²⁶ Там же. — С. 2.

тверского автора Д.И. Карманова, который г. Москву (не являвшуюся предметом его описания), как и многие другие, отнес к градостроительной деятельности Юрия Долгорукого. Основание своего города Твери он определил 1182 годом (вероятно, взяв это упоминание в «Истории Российской» В.Н. Татищева²⁷), но, перечисляя старейшие города Северо-Востока Руси, не преминул поставить Тверь сразу за Москвой и раньше Ярославля, Дмитрова и др.²⁸

Интересная ситуация с историко-географическими объектами сложилась вокруг поисков местоположения и времени основания г. Владимира на Клязьме. Местные владимирские историописатели старались приписать основание своего города известному князю Владимиру Святославичу. Например, И.Ф. Дмитриевский решил не признавать, что летописное сообщение о раздаче этим князем городов своим сыновьям (где значится г. Владимир) относится к другому городу, к Владимиру Волынскому. Князь Владимир Святославич, «который когда для распространения и утверждения закона Христианского в своей земле ходил к Ростову, пришед близ Суздаля, усмотрел над рекою Клязьмою красное на горах место, и заложил тут город. Назвав оной во имя свое Владимиром», — уточнил Дмитриевский²⁹.

Вообще, князь Владимир Святославович оказался очень востребован местными историописателями в качестве градооснователя. И.К. Васьков, желал его (или даже его убитого древлянами деда) видеть строителем Костромы³⁰. С.И. Ларионов и архимандрит Амвросий (А.П. Гиновский), изучая прошлое курской земли, сделали вывод, что г. Курск также был основан при князе Владимире Святославиче. Ларионов начинал свой вывод с вопроса, на который еще (как он представил читателю) никто не дал положительного ответа: «Когда он [Курск — С.М., М.Р.] возымел свое начало и кем был сперва обитаем? Нигде точного о том показания не отыскалось». И исследователь отвечал: «Но мне примечается, что он должен был строиться при великом Князе Владимире около 990 году. Сей великий Князь по разделении уделов сыновьям своим 988 году, размышляя города вновь строить близ Киева, то полагаю Я, что и Курск тогда же получил свое начало, так как нахо-

²⁷ У В.Н. Татищева читаем, что в 1182 г. Всеволод III (Большое Гнездо) «На Волге же при устьи реки оставя войско, велел построить Твердь» (см.: [Татищев В.Н.] История Российская с древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым : кн. 1-4. — М., 1768-1784. — 1774. Кн. 3. — С. 248).

²⁸ Исторические известия тверского княжества... / составил Д.И. Карманов... — С. 24.

²⁹ Дмитриевский И.[Ф.] О начале Владимира что на Клязьме, о перенесении в оной из Киева Российской столицы и о бывших в оной Великих Князях. — СПб., 1802. — С. 9-13.

³⁰ [Васьков И.К.] Собрание исторических известий, относящихся до Костромы, сочиненное полковником Иваном Васьковым. — М., 1792. — С. 3-5.

дящийся по местоположению своему в той же стороне»³¹. Амвросий указывал, что во время Владимира Курск «был в цветущем состоянии»³².

Уже с XVIII в. заметна тесная связь национально-государственной и местной историй, по крайней мере, российские, британские, французские, а особенно (до объединения под эгидой Пруссии) немецкие историописатели обращались к темам, связанным с древними этапами развития того или иного княжества-земли, графства, герцогства, округа вместе с их важнейшими городскими центрами и, прослеживая иногда более чем тысячелетнюю историю, отмечали последующие политико-административные мероприятия центральной власти по отношению к объекту их рассмотрения. На историю того или иного локуса местными историописателями накладывалась существующая конструкция национальной истории. Ориентация на государственный исторический нарратив приводила к тому, что структура трудов по местной истории, представленная, в большей степени, этапами национальной, а не местной истории, часто напоминала этот самый государственный исторический нарратив.

Нередко совершенно некритическое отношение к конструированию национального прошлого заимствовалось местными писателями у авторитетных авторов. Например, известный собиратель древностей граф А.И. Мусин-Пушкин без опоры на какие-либо исторические источники или даже легенды в конце XVIII в. писал о Киеве и Смоленске: «О начале построения сего города [Киева — С.М., М.Р.] достоверных повествований не обретаются, но многие обстоятельства заставляют полагать, что основание его последовало гораздо раньше Христианского летосчисления», а Смоленск — «город древностию не уступающий Киеву»³³. Через несколько лет, в самом начале XIX в. в книге Н.А. Мурзакевича отмечалось: «... Смоленск и другие древнейшие Российские города, еще до Рождества Христова построены славянами»³⁴. Местный историописатель не указал, какой источник предоставил ему такие сведения. Еще через полвека в «Памятной книжке Смоленской губернии» П.Д. Шестаков, определяя время возникновения Смоленска, написал: «Один Апостол благословил Крестом Киевлян и Смольян, в водах одной

³¹ [Ларионов С.И.] Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. — М., 1786. — С. 3-4.

³² [Амвросий, архимандрит] История о городе Курске, о явлении чудотворной Знаменской пресвятыя богородицы иконы, нарицаемая Курская, о курском Знаменском монастыре и его настоятелях. — Курск, 1792. — С. 3.

³³ Мусин-Пушкин А.И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. — СПб., 1794. — С. XX.

³⁴ Мурзакевич Д.Н. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. — Смоленск, 1804. — С. 10. — Инициалы Д.Н. на титуле означают — дьякон Никифор.

реки приняли они святое крещение»³⁵. В сообщениях исторических источников подтверждения указанного времени подобной градостроительной деятельности восточных славян, конечно, никто не найдет. А.И. Мусин-Пушкин, а следом за ним Н.А. Мурзакевич и П.Д. Шестаков вполне обошлись без них. Историографическая фаза критики источников и исторической литературы была заменена ими простой, но нужной для конструирования такой идентичности нарративизацией.

Мы не ошибемся, если скажем, что работы по местной истории тяготеют к классической модели национально-государственной истории, однако профессионализация историографии делала эту практику исторического описания все более и более маргинальной по отношению к развивавшемуся научному историческому знанию. Местные историки мало интересовались происходящими в науке изменениями, не замечали разницы в теоретических подходах историков по тому или иному вопросу.

Одной из черт, присущих классической европейской историографии, стало объяснение, при помощи которого в структуре линейного рассказа о прошлом историки разъясняли причины происшедших исторических событий, используя тот или иной теоретический подход. Местные историки старались подражать и этому приему классической науки. Например, В.С. Борзаковский, создавая объяснение процесса появления древнерусских городов, сослался на мнения В.В. Григорьева, И.Д. Беляева и К.Н. Бестужева-Рюмина о причине градообразования³⁶, но совершенно не учел, что приведенные им известные ученые были сторонниками разных взглядов на этот вопрос. Первый историк-ориенталист являлся сторонником торгового происхождения городов (городские укрепления строились затем)³⁷, второй — вел их происхождение от нужд обороны³⁸, а третий — от поселений общин-жуп и княжеской политики³⁹. То есть, Борзаковский не предусмотрел, что в российской историографии второй половины XIX в. (знание которой оказалось поверхностным) не существовало единого теоретического объяснения причины градообразовательного процесса.

Сама объяснительная стратегия местными историками чаще всего выстраивалась на «фактах» и осталась присущей многим сов-

³⁵ Шестаков П.[Д.] География Смоленской губернии // Памятная книжка Смоленской губернии на 1857 г. — Смоленск, 1857. — Ч. 2. — С. 82.

³⁶ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. — СПб., 1876. — С. 5-10.

³⁷ См.: Григорьев В.В. О куваческих монетах, найденных в России и Прибалтийских странах, как источнике для древнейшей отечественной истории // Григорьев В.В. Россия и Азия. — СПб., 1876. — С. 158-166.

³⁸ См.: Беляев И.Д. Города на Руси до монголов. — Б.м., Б.г. — С. 4; Он же. Рассказы из Русской истории. — М., 1865. — Кн. 1. — С. 6-7.

³⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. — Т. 1. — СПб., 1872. — С. 46-47; Он же. О колонизации великорусского племени // Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1867. — Июнь. — С. 777-778.

ременным краеведческим работам, авторы которых (в том числе и с научными степенями) могут, например, заметить: «Основой повествования послужили *научно-исторические факты и действительные события* [выделено нами — С.М., М.Р.]»⁴⁰ — или что ими «первые вводятся в научный оборот *значительное количество дат* [выделено нами — С.М., М.Р.]»⁴¹.

Местные историки полагали, что ценность могут представлять лишь те работы, которые дают больше интересного и/или фактического материала для описания прошлого их локуса. Так, ярославский историописатель конца XIX в. К.Д. Головицков, отвечая своему столичному критику, писал, что тот «укоряет меня за то, что я пользовался разной по его словам, “дребеденью” [календари, журналы, газеты, энциклопедический словарь и т.д. — С.М., М.Р.]»; критик говорит, что я «остался при старомодных взглядах на Карамзина, показав этим, что историческая литература за последние 30–40 лет мне совершенно неизвестна»⁴². Парируя критику, историописатель продемонстрировал свое полное непонимание сути исторического источника и историографии, подчеркнув: «При составлении своей книги я пользовался многими источниками, вышедшими позднее истории Карамзина»⁴³.

Другой местный историк, публично отвечая столичному критику, заметившему ему, что он использовал случайные, неполные и отрывочные данные, написал: «... Было бы по меньшей мере странно требовать от исследователя, чтобы на известную тему он прочитал весь огромный архивный материал; да этого и не надо для характеристики эпохи»⁴⁴. Следует заметить, что многие местные исследователи, как и их предшественники, до сих пор не видят разницы между историческими источниками и исторической литературой, помещая в разделе «Источники» названия работ историков и своих предшественников — краеведов⁴⁵.

Обратим внимание на одну из дискурсивных тактик провинциальных историописателей. Исследователи нередко приводили сообщения летописей или мнения историков, противоречившие сделанным ими первоначальным выводам. Например, Ф.Л. Никифоров и В.А. Неверович указали, что город Рославль «основан Великим

⁴⁰ *Потанов А.Н.* Город-страж на засечной черте: Историко-краеведческое повествование о шацкой земле и ее людях. — Рязань, 2002. — С. 9.

⁴¹ *Пыльнев Ю.В., Ширяев О.Ю.* Культура Воронежской области: Хроника событий 1917 — 1991. — Воронеж, 2002. — С. 6-7.

⁴² *Головицков К.Д.* Город Романов-Борисоглебск (Ярославской губернии) и его историческое прошлое. — Ярославль, 1889. — С. II-III.

⁴³ Там же. — С. III-IV.

⁴⁴ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. — М., 1884. — Вып. 3. — С. 3. Вып. 6. — С. 8.

⁴⁵ См., например: *Докучаев А.Т.* Козловка: История старинного русского села. — Бутурлиновка, 2003. — С. 150.

Князем Владимиром; и достоверность этого предположения» подкреплена «историографом Карамзиным», хотя Карамзин его и не подкреплял. В другом же месте они заметили: «Когда и кем основан Рославль — неизвестно»⁴⁶. В небольшой книге «Город Владимир на Клязьме» неназванный автор писал: «Позднейшие историки, не доверяя сказаниям об основании города Св. Владимиром, приписывали его Владимиру Мономаху» или Андрею Боголюбскому, но «не Андрей Боголюбский, а первоначально сам Владимир Великий [Святославич] поставил город Владимир, а потом уже Андрей»⁴⁷.

Ориентация на национально-государственную историю заставляла местных исследователей смотреть на историко-географическое положение своего локуса, как на территорию, изначально входившую в круг еще не сложившегося территориально-административного организма. Так, И.И. Дубасов, описывая древнее состояние будущей Тамбовской губернии, писал: «Судя по летописям, в нашем крае бывал и воинственный Святослав с целью объединения Тамбовской земли с общерусскою землею [sic! — С.М., М.Р.]. Князь Святослав не любил шутить со своими слушниками. Крови своей и чужой он не жалел. Несомненно, были битвы у нас жестокие, кровавые. Наши Елатомские, Темниковские и Спасские лесные поляны и речные долины были ареной этих давно минувших и забытых битв...»⁴⁸ Таким образом, автор ввел в круг исторического пространства Древней Руси X века не просто будущую Тамбовскую губернию, но и ее конкретные географические объекты, правда, неизвестные истории Древней Руси времени князя Святослава и даже периода ранней истории Московского государства.

Таким образом, анализ историографических практик местного историописания позволил нам если не доказать, то, как *minimum*, обосновать мысль о том, что в классической модели исторической науки местная история, во-первых, включена в структуру исторического знания, во-вторых, в качестве таковой подчинена национально-государственному нарративу и, в-третьих, в силу своего позиционирования на нижнем уровне иерархии исторического познания допускает непрофессиональное / любительское отношение к местному историописанию.

Рассмотрение местной истории в неклассической и постнеклассической моделях науки будет продолжено в следующей статье.

⁴⁶ Никифоров Ф.[Л.], Неверович В.[А.] Историко-статистическое описание города Рославля и уезда его // Памятная книжка Смоленской губернии на 1859 г. — Смоленск, 1859. — С. 107.

⁴⁷ Город Владимир на Клязьме. — Владимир, 1861. — С. 3-4.

⁴⁸ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. — Тамбов, 1897. — Вып. 6. — С. 8.